

Дети тариан

После завтрака, который был точной копией, предыдущего дня и прототипом всех фактически последовавших за ним в течение всего того времени, что я пробыл с зелеными людьми, Сола провела меня на площадь, где я застал всю общину занятой наблюдением за тем, как огромных мастодонтообразных животных запрягали в большие трехколесные повозки. Их было около двух с половиной сотен, в каждую впряжено по одному животному. Судя по виду, каждое из них легко могло увезти целый основательно нагруженный фургон зерна.

Сами повозки большие, удобные и роскошно разукрашенные. На каждой из них, сидела женщина-тарианка, увешанная металлическими украшениями, драгоценными камнями и мехами, а на спине животного, везшего повозку, восседал молодой возница. Подобно животным, на которых ехали воины, более грубые упряжные тоже не имели ни удил, ни поводьев и управлялись исключительно при помощи телепатии.

Эта телепатическая сила изумительно развита во всех тарианцах, щедро искупает примитивность их языка и сравнительно небольшой запас слов, которыми они обмениваются даже в длинных беседах. Это универсальный язык Тара, посредством которого высшие и низшие слои населения могут общаться между собой, в большей или меньшей степени, в зависимости от сферы интеллектуальных интересов и развития индивида.

Когда кавалькада, выстроившись гуськом, тронулась в путь, Сола втащила меня в пустую повозку, и мы последовали вместе с процессией по направлению к тому месту, через который я вступил в город. Во главе процессии ехало около двухсот воинов, по пять в ряд, и такое же количество находилось в арьергарде, между тем двадцать или тридцать всадников составляли охрану с каждой стороны.

Все, кроме меня, мужчины и женщины были хорошо вооружены, и в хвосте повозки шествовала тарианская собака. Моя следовала за нами. В самом деле, верное животное в течение всех десяти лет, что я провел на Таре, ни разу не покидала меня. Наша дорога проходила через маленькую долину, расположенную перед городом, через холмы и вела вниз на дно мертвого моря, которое я пересек в своем путешествии от инкубатора до площади. Инкубатор, как, оказалось, был конечным пунктом нашего путешествия, и вся кавалькада пустилась бешеным галопом, как только мы достигли плоской поверхности морского дна. Вскоре цель наших стремлений предстала перед взором.

Когда мы приблизились, с точностью, применяемой в военном деле, были расположены по четырем сторонам отгороженного пространства, и человек десять воинов во главе с гигантом-вождем при участии Тарс Таркаса и нескольких других более мелких главарей спустились на землю и направились к инкубатору. Я видел Тарс Таркаса, объяснявшего что-то главному вождю, имя которого, я могу передать земным языком, было Лоркас Птомель Джед, причем Джед было его титулом. Я скоро был посвящен в предмет их беседы, так как Тарс Таркас подозвал Солу, сказав ей, чтобы она привела меня к нему. К этому времени я победил все трудности передвижения на Таре, и, быстро выполняя его распоряжение, приблизился с той стороны инкубатора, где стояли воины.

Когда я подошел к ним, то сразу увидел, что почти из всех яиц, за малым исключением, вылупились отвратительные маленькие дьяволята, которыми инкубатор кишмя кишел. Ростом они были около метра и без усталости передвигались с места на место, в поисках пищи.

Когда я остановился перед Тарс Таркасом, он указал рукой вверх инкубатора и произнес «сак». Я понял, что он хочет, чтобы я, в присутствии Лоркаса Птомеля, повторил свой подвиг

и, так как должен сознаться, что моя доблесть приносила немалое удовлетворение, быстро ответил на его просьбу, прыгнув высоко через выстроившиеся повозки в самый дальний конец инкубатора. Когда же я вернулся, Лоркас Птомель пробурчал что-то в мою сторону, а затем, обратившись к своим воинам, отдал в нескольких словах приказ относительно инкубатора. Они больше не обращали на меня никакого внимания и, таким образом, я получил возможность наблюдать за работой, которая свелась к тому, чтобы пробить в стене достаточно широкое отверстие, и вывести юным тарсиан.

По обе стороны входа женщины и более молодые марсиане обоего пола образовали две сплошные стены, протянувшиеся мимо повозок далеко вперед, в равнину. Между этими шеренгами маленькие тарсиане бежали со всех ног наподобие диких оленей. Им позволили пробежать проход во всю его длину, а затем женщины и старшие дети ловили их по одному, причем последний в ряду ловил первого из маленьких марсиан в момент, когда он достигал конца коридора. Его сосед по ряду ловил второго, и так до тех пор, пока все малютки не покинули инкубатор. Когда женщинам удавалось поймать маленького, они выходили из ряда и возвращались к своим повозкам, те малютки, которые попадали в руки молодых мужчин, передавались женщинам. Я увидел, что церемония, если ее можно так назвать, была окончена и, отправился искать Солу. Нашел ее в нашей повозке с отвратительным маленьким существом, которое она крепко сжимала в своих объятиях.

Дело воспитания молодых зеленых тарианцев заключалось в том, чтобы научить их говорить и пользоваться оружием, которым их снабжают с самого первого года жизни. Вылупляясь из яиц, в которых они пролежали пять лет, —они выходят на свет вполне развившимися, за исключением роста. Совершенно неизвестные своим матерям, которые в свою очередь затруднились бы указать, хоть с некоторой степенью точности, их отцов, они являются общими детьми и их образование зависит от женщины, которой удалось поймать, когда они покинули инкубатор.

Их приемные матери могли даже не иметь собственного яйца, как это было с Солой, когда менее года назад стала матерью младенца другой женщины. Но это не имело никакого значения для зеленых, так как любовь родителей к детям и детей к родителям так же неизвестна им, как ее воспринимаем мы.

Думаю, что эта ужасная система, которая применялась у них веками, явилась прямой причиной утраты всех тонких чувств и более высоких человеческих инстинктов у этих бедных созданий. С рождения они не знают ни отцовской, ни материнской любви, они не понимают значения слов «у себя дома», им внушают, что их существование условно, пока не докажут своей физической силы и жестокости, не докажут, что они пригодны к жизни. Если окажется налицо какой-нибудь физический недостаток, или вообще какой-нибудь дефект, их немедленно пристрелят. Не видят они также ни единой слезы, пролитой по поводу многочисленных испытаний, которые им приходится претерпевать, начиная с самого раннего детства.

Я не стану утверждать, что взрослые тарианцы намеренно, или без всякой необходимости, жестоки к молодым. Они ведут тяжелую, и безжалостную борьбу за существование на умирающей планете, все естественные богатства которой истощены до такой степени, что поддержка каждой лишней жизни означает добавочный рот.

Путем тщательного подбора они выращивают только наиболее сильных представителей каждого вида и сверхъестественной дальновидностью регулируют рождаемость так, чтобы она равнялась смертности. Каждая взрослая женщина-тарианка производит на свет около тридцати яиц в год, и те из них, которые достигают требуемых величин, веса и других специфических качеств, скрывают в тайниках пещеры, где температура слишком низка для

инкубации. Каждый год эти яйца внимательно исследуются советом двадцати старейшин, и из поставляемого количества уничтожаются все, кроме сотни самых совершенных. К концу пяти лет из нескольких тысяч произведенных на свет яиц бывает отобрано приблизительно пятьсот – тысяча идеальных. Пятьсот из них помещают в почти не пропускающие воздух инкубаторы с тем, чтобы они в течение одного пятилетнего периода достигли полного развития под действием солнечных лучей. Вылупливание из яиц, которое мы наблюдали в этот день, было одним из удачнейших среди явлений подобного рода, так как все яйца, кроме одного на сотню, оказались созревшими. Если из оставшихся яиц, впоследствии и вылупились бы маленькие тарианцы, мы ничего не узнали бы о их судьбе. Их появление на свет не было желательным, так как потомство могло унаследовать и передать дальше склонность к более длительному периоду инкубации и, таким образом, подорвать всю систему, которая существовала веками и давала возможность взрослым определять время возвращения к инкубатору с точностью до часа.

Инкубаторы строятся в отдаленных, хорошо защищенных местах, возможность обнаружить которых другими племенами мала, или даже вовсе невероятна. Последствием обнаружения инкубатора чужими племенами оказалось бы отсутствие детей в общине еще на один пятилетний период. В дальнейшем мне пришлось быть свидетелем такой катастрофы.

Община, часть которой составляли зеленые тарианцы, с которыми меня связала судьба, состояла из тридцати тысяч особей. Они кочевали по огромному пространству бесплодной, или почти бесплодной почвы между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Их главные дома были расположены в юго-западном углу этого участка, вблизи от пересечения двух так называемых «тарианских каналов».

Так как инкубатор был расположен далеко к северу от их собственной территории, на необитаемой и никем не посещаемой равнине, нам предстояло путешествие, о котором я, ничего не знал.

После возвращения в мертвый город я провел несколько дней в полном бездействии. На следующий день после нашего возвращения воины уехали куда-то рано утром и вернулись только к моменту наступления темноты. Как я узнал позже, они были в подземных пещерах, в которых сохранялись яйца, и перенесли их в инкубатор, стену которого они затем снова заделали на новый пятилетний период. Подземные помещения, в которых яйца хранились до своего перемещения, были расположены намного километров южнее, чем инкубатор, и каждый год их посещал совет из двадцати старейшин.

Обязанности Сола увеличились вдвойне, так как она была вынуждена заботиться о юном тарианце, как и обо мне. Ни один из нас не требовал большого внимания, и так как мы были одинаково продвинуты в образовании, то Сола взялась обучать нас.

Добычей Сола оказался младенец мужского пола, ростом около метра, очень сильный и прекрасно сложенный. К тому же он хорошо учился, и мы наслаждались, или, по крайней мере, я наслаждался теми отношениями, которые воцарились между нами. Тарианский язык, как я уже сказал, чрезвычайно прост, и через неделю я мог выразить все свои желания и сам понимал все, что мне говорилось. Точно также под руководством Сола я до такой степени развил свои телепатические способности, что скоро мог ощущать практически все, что происходило около меня.

Больше всего удивляло во мне Солу то, что в то время как я легко схватывал телепатические проявления других, и часто, даже тогда, когда они вовсе не для меня предназначались, никто

не мог ни при каких обстоятельствах разобрать, исходившее из моего сознания.

Вначале это уязвляло меня, но впоследствии я был очень, так как это давало мне несомненное преимущество над тарианцами.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/487532>